

Лунный свет серебрил песчаный берег, где Шэнь Сьюань — то ли человек, то ли выходец с того света — пожирал свиную рульку диким, голодным взглядом.

«До чего же простодушный народ! — умилялся он. — Надо же, целую рульку отдали!»

Сьюань уже и думать забыл, какими ухищрениями выманил эту добычу. Да и несчастный деревенский парень, которого он напугал до полусмерти, давно испарился из его мыслей.

Мясо исчезло мгновенно, сухожилия были обглоданы дочиста, но юноша не успокоился, пока не облизал саму кость. Сьюань даже прослезился от умиления: ничего вкуснее этой рульки он в жизни не пробовал!

Сыто вздохнув, он довольно погладил живот и растянулся прямо на теплом песке. Легкий морской бриз ласкал лицо, волны мерно шуршали, набегая на прибрежные камни. Сьюань созерцал плывущую в небе луну, чувствуя, как душу наполняет редкий покой.

Он и не подозревал, что в этот самый момент к берегу медленно подкрадывается пиратский корабль — остывшая от гнева Сина уже успела раскаяться в своем поступке. А в деревушке неподалеку Да Нью, ворочаясь в постели с красными от недосыпа глазами, испуганно бормотал молитвы до самого рассвета.

Тем временем в Поместье премьер-министра кипели нешуточные страсти. В ту ночь, когда Сьюань едва не погиб, его старший брат Шэнь Чжихэ, чудом унесший ноги, попал под горячую руку отца. Премьер-министр всыпал ему таких горячих плетей, что тот едва не лишился чувств.

Ли Сянлань с плачем и причитаниями висла на руках у мужа, пытаясь удержать его, а про себя яростно скрежетала зубами. Любовь супруга к младшему сыну переходила все границы! С какой стати за грехи этого сына от наложницы должен отдуваться её родной Чжихэ?

Той же ночью премьер-министр Шэнь Даосюэ отправился во дворец. Разумеется, жаловаться напрямую на венценосного отпрыска он не стал. Выпросив полуночную аудиенцию, он сокрушенно поведал императору о своем великом горе: на его сыновей совершено дерзкое нападение прямо в столице, и младший теперь сгинул без вести.

Даосюэ не пришлось сгущать краски — правитель мгновенно пришел в ярость. Подумать только! Посреди бела дня в самом сердце империи режут детей первого министра! Если убийцы так легко орудуют под боком у трона, то в безопасности ли сами члены императорской семьи?

В столице немедленно объявили осадное положение, начались повальные обыски. Подробности

той ночи, разумеется, вскоре дошли до ушей монарха. Уже на следующее утро Второй принц, Цзян Шанцин, удостоился жесточайшего нагоняя прямо на императорском совете за халатность и неспособность навести порядок. В наказание император лишил его половины военного командования.

Шэнь Даосюэ прекрасно понимал: это не просто кара, а плата за жизнь его безвестно пропавшего сына. Премьер-министр не знал, смеяться ему или плакать от мысли, что голова Сыюаня обошлась принцу в половину его армии. Впрочем, зная, как император выгораживает своих детей, требовать большего было бессмысленно — это и так предел монаршей щедрости.

Вернувшись домой, он встретил лишь недовольное ворчание супруги — на лице Ли Сянлань не было и тени скорби. Вместо этого она принялась упрекать мужа, твердя, что с императорской родней, а уж тем более с потенциальным наследником престола, ссориться не след.

Шэнь Даосюэ молча выслушал её тираду и впервые за долгие годы посмотрел на жену другими глазами.

«Будь на месте Сыюаня наш первенец Чжихэ, заговорила бы она так же благоразумно?»

Раньше, стоило Сыюаню получить нагоняй, Сянлань обливалась слезами, умоляя наказать её вместо него. Откуда же теперь это ледяное равнодушие к его гибели?

Премьер-министр прищурился, глядя на то, как жена без умолку разглагольствует. Цзян Шанцин — хитрый и алчный лис, в его бездонной глотке сгинет все приданое Сянлань, и он даже спасибо не скажет. Прежде Даосюэ почитал супругу женщиной на редкость умной и проницательной, полагая, что её единственный порок — излишняя мягкосердечность к детям. Но сейчас его терзали смутные сомнения. Всё оказалось с точностью до наоборот?

Относительно Второго принца он не беспокоился. Если Цзян Шанцин не круглый дурак и не хочет собственноручно подтолкнуть премьер-министра в объятия других претендентов на престол, ему придется и дальше заискивать перед ним.

Даосюэ отправил несколько отрядов на поиски Сыюаня, но все усилия оказались тщетны. Река Ясной Луны была слишком широкой и глубокой, а движение по ней — слишком оживленным. Найти в этой мутной пучине тело — всё равно что искать иголку в стоге сена.

Поместье погрузилось во мрак. Шэнь Чжихэ безвылазно сидел в своих покоях, содрогаясь от каждого шороха. Перед его мысленным взором то и дело проносились кошмары: то бездыханная Мэйхуа падает на пол, то он сам толкает младшего сына от наложницы с балкона, то безжалостные убийцы заносят над ним клинки. Разум бедняги помутился, он перестал отличать явь от бредовых видений.

В столице шептались: надо же, в доме премьер-министра за одну ночь один сын погиб, а второй лишился рассудка. Сам Шэнь Даосюэ за эти несколько дней постарел лет на десять.

А на далеком побережье утро началось с первых ласковых лучей солнца. Проснувшись, Шэнь Сыюань отряхнул с одежды налипший песок и сладко потянулся.

Оказавшись вдали от удушливых благовоний отчего дома, он чувствовал себя на удивление бодро. Вечная вялость, болезненная слабость и беспричинная злоба, терзавшие его долгие годы, бесследно растворились в свежем морском воздухе. Без всех этих «целебных» снадобий и дорогих притирок его тело крепло на глазах. Ощупав свои окрепшие плечи, Сыюань сердито оскалился. Значит, его годами травили под видом заботы?

«Ну погоди, братец Чжихэ! Когда я вернусь в столицу, то лично засуну тебя в бочку с благовониями и продержу там неделю!»

Стоило ему распалить себя мыслями о мести, как в животе требовательно заурчало. Сыюань вздохнул и похлопал себя по голодному пузу. Месть — штука хорошая, но сначала нужно раздобыть еду. В конце концов, до столицы еще дойти надо, а на пустой желудок много не навоюешь.

Парень поскреб затылок. Может, снова прикинуться покойником и выдурить у кого-нибудь обед? Вот только прокатит ли этот фокус при свете дня? Чего доброго, суеверные крестьяне забьют его мотыгами или вызовут экзорциста, чтобы упокоить его грешную душу раз и навсегда.

Сыюань невольно коснулся старого шрама возле правого глаза. Неужели он и впрямь выглядит настолько жутко, что люди бледнеют от страха? Сам-то он считал себя вполне симпатичным... ну, почти.

Задумчиво потирая переносицу, он вдруг замер и принялся. Пальцы все еще слабо пахли вчерашней чесночной рулькой. Юноша зажмурился от блаженства.

Насладившись остаточным ароматом, он поднялся на ноги и пнул сиротливо лежащее рядом деревянное ведро. Пусто. Это было его единственное имущество, да и то — краденое.

Поколебавшись между благородным разбоем и банальным попрошайничеством, Сыюань решил пока отложить этот вопрос и направился к воде. От него несло потом и солью — не мешало бы для начала искупаться.

Он сделал шаг в набегающую волну и вдруг взвыл:

— Ой-ёй! Нога!

Со свистом выдохнув сквозь зубы, он кубарем покатился на песок. Ведро с грохотом отлетело в

сторону. Сыюань ухватился за пострадавшую конечность и широко открыл глаза. На его большом пальце мертвой хваткой повис здоровенный краб величиной с хороший кулак.

Парень ошарашенно моргнул, разглядывая это членистоногое чудище. Огромная клешня немилосердно плющила его многострадальный палец, а вторая, поменьше, яростно тыкала в подошву. Сыюань мрачно воззрился на свою истерзанную ступню. Он помрачнел от злости.

Он молниеносно перехватил краба за панцирь и строго предупредил:

— Слышь, чучело, я считаю до трех. Отпустишь — разойдемся миром. Понял? Я серьезно говорю! Раз... два... А-а-а-а! Твою ж налево, урод чешуйчатый!

Весь его напускной пафос мгновенно испарился. Вместо того чтобы внять голосу разума, краб сжал клешню с такой силой, будто вознамерился перекусить кость пополам.

Сыюань зажмурился и, издав дикий вопль, рванул тварь на себя. На лоб выступил холодный пот — боль была адская. Насилу оторвав хищника от ноги, он зажал мощную клешню пальцами, с ненавистью разглядывая дрыгающего лапами наглеца.

— Тяжелый, зараза... — прохрипел он. — Ну всё, кособокий, теперь моя очередь!

Сыюань перехватил панцирь другой рукой. Мелкая клешня теперь была неопасна. Он попытался отломать большую, но сустав поддавался неохотно. «Ничего, не такие крепости брали!» — упрямо подумал юноша, стиснув зубы. Он натужился, лицо его исказилось от нечеловеческого усилия. Наконец раздался сухой щелчок, и оторванная клешня шлепнулась на песок. Сыюань потряс онемевшей ладонью — панцирь оказался на удивление прочным, он едва пальцы себе не вывихнул.

Посмотрев на покалеченного краба со злорадной ухмылкой, Сыюань брезгливо стряхнул кровь с укушенного пальца.

— Ну что, приятель? Долг платежом красен. Сейчас тебе было больно, а вот то, что ждет тебя дальше, мне, хвала богам, точно не грозит! Сам напросился, так что без обид.

С этими словами он без лишних раздумий впился зубами прямо в панцирь.

Раздался противный скрежет. Он скользнул зубами по гладкой броне, не оставив на ней и следа. Этот мерзкий звук отозвался такой резкой болью в челюсти, что у Сыюаня на мгновение потемнело в глазах.

Он угрюмо уставился на шевелящегося членистоногого. Краб словно смотрел на него с откровенной издевкой.

«Ты что, явился в мою жизнь исключительно ради того, чтобы портить мне нервы?» — мысленно возопил Сыюань.

Осторожно потрогав языком пострадавшие зубы, он упрямо подумал: «Чем прочнее броня, тем нежнее мясо внутри!» Отступать было поздно — этот краб просто обязан был стать его завтраком.

Шкандыбая на одной ноге и волоча за собой ведро, юноша побрел вдоль побережья. Вовсе он не бродяжничал от безделья, а просто искал подходящее орудие убийства — например, крепкий булыжник, чтобы расколотить эту чертову скорлупу.

Результат, увы, разочаровал. Мяса в огромном панцире оказалось кот наплакал. Набив рот безвкусной, отдающей тиной жижей, Сыюань так и остался голодным. Он обреченно погладил урчащий живот, перевел взгляд на видневшиеся вдаль крестьянские избы и решил, что пора нанести повторный визит гостеприимному местному жителю.

Прошлой ночью на берегу царила кромешная тьма, так что простодушный парень вряд ли запомнил его лицо. Сыюань посмотрел на ведро в своей руке, и в его голове мгновенно созрел блестящий план. Припадая на прокушенную ногу, он бодро заковылял к дому Да Нью. Этот добряк определенно заслуживал еще одного шанса проявить широту крестьянской души.

Солнце едва показалось над кромкой воды, окрашивая море в нежно-розовые тона. Приближаясь к околице, Сыюань заметил кучки рыбаков, тянувших к воде снасти. На деревенских улицах было безлюдно. Подобравшись к крайней избе, где обитал его ночной спаситель, Сыюань взмахнул ведром и требовательно забарабанил в деревянную дверь.

Стоя на пороге, юноша хищно оскалился. Раздался громкий стук.

Внутри дома Да Нью безмятежно спал, привалившись спиной к бревенчатой стене. Не дождавшись ответа, Сыюань прижал ухо к щели и различил натужный богатырский храп.

«Ну и соня! — хмыкнул про себя парень. — Солнце уже высоко, а он дрыхнет без задних ног!»

Бедный хозяин дома не сомкнул глаз до самого рассвета и только-только забылся тяжелым сном, как громкий стук раздался вновь.

Храп оборвался. Из-за двери донеслось испуганное бормотание. Сыюань демонстративно откашлялся и заорал во всю глотку:

— Эй! Есть кто живой?! Хозяева! Оглохли там, что ли?! Э-э-э-й!

Из дома донесся глухой удар. Это Да Нью со страху свалился с кровати. Потирая ушибленный зад, он с ужасом уставился на дверь. Ночные кошмары нахлынули с новой силой.

— Н-никого нет! — заикаясь, крикнул он в ответ. — Ты... ты кто? Живой или... или опять привидение?!

Протерев заспанные красные глаза, крестьянин глянул в окно. Увидев яркий солнечный свет, он немного успокоился: нечисть ведь не разгуливает при свете дня.

Стоявший на крыльце «призрак» лишь раздраженно закатил глаза.

«Угадай с трех раз, умник», — мысленно ответил Сыюань.

<http://bllate.org/book/19456/2038625>